

Характер повседневных конфликтов по данным судебных дел: микроисторический анализ

Борисов Виктор Евгеньевич

аспирант

Российский государственный гуманитарный университет

E-mail: vborisove@gmail.com

Даже в эпоху доминирования политической или социально-экономической истории повседневная жизнь человека никогда не оставалась без внимания историков. С развитием же во второй половине XX века «новой социальной истории» исследования в этой области стали признаваться необходимыми для понимания хода исторического процесса в целом и оформились в отдельное научное направление (Репина, 1997; Людке, 1999). В частности, в отечественной историографии активизировалось изучение повседневных преступлений, особенно связанных с межличностными конфликтами (Коллман, 2001 с. 124–158, 159–215; Глазьев, 2001 с. 234–272; Каменский, 2006 с. 139–268 и др.), что объясняется как значимостью этой разновидности человеческих взаимодействий, так и относительно высокой доступностью источников, их освещающих. Источники эти (в первую очередь судебные дела) обладают рядом характеристик, которые нельзя не учитывать. В частности: судебные дела освещают только те преступления, в борьбу с которыми было вовлечено государство; они по определению фиксируют только девиации. Поэтому всегда возникают вопросы: 1) какого рода девиации (и сколько) не получили фиксации в делопроизводстве? 2) насколько часты были эти девиации по сравнению с «правильными» отношениями между людьми, т. е. какова была реальная норма повседневной жизни? Эти вопросы тесно связаны с вопросом: 3) какими соображениями руководствовались люди, обращаясь к представителям государства, выполнение которыми своих обязанностей по поддержанию порядка всегда было сопряжено с теми или иными издержками (ср.: Каменский, 2006, с. 35–36)?

Настоящая работа представляет собой микроисторическое исследование, посвященное повседневным взаимоотношениям в одной из зауральских слобод (Ирбитской) в 40-е гг. XVII века и призванное наметить возможности решения перечисленных проблем при изучении российской истории XVII века на основе данных об отводе свидетелей в ходе судебного разбирательства.

25 декабря 1642 года «бил челом государю царю <...> словом» ирбитский крестьянин Богдан Павлов сын Тюстин. По его словам, летом крестьянин Иван Подкорытов с зятем Алексеем Бортниковым вломились к нему, Богдану, на подворье. Вернувшись с поля, Богдан застал грабителей, подпер дверь жердью и пошел «являть» на них соседям. Однако незваные гости успели «изломать» двери и скрыться с ценностями на сумму несколько рублей. Далее он говорил, что 25 декабря (т.е. в день подачи челобитной) «пил он, Богдашко, у Семейки Подкорытова во дворе в ызбе овсяную брагу. И тот де Ивашко Подкорытов взял меня за ноги и ударил меня в середу [среда – подполатье, если полати висят над входом в кутью (Даль)] и ударя почал меня топтати и топтав бил по щекам и бороду у ме(ня) драл...». Причиной наносимых побоев обидчик называл «оглашение» его, Ивана, летнего «прихода» (Судные дела 1642–1643 гг. Л. 1).

Обращают на себя внимание на две детали. Во-первых, перед нами нечастый случай, когда истец посчитал нужным описать предысторию конфликта. Самого факта нанесения побоев и выдирания клока волос из бороды для подачи иска было вполне достаточно. Во-вторых, весьма примечательно, что он не стал устраивать судебного разбирательства по поводу летнего ограбления, хотя ценности были вынесены немалые. Тяжба возникла спонтанно, спустя примерно полгода, когда после пьяной драки Богдан Тюстин сразу же отправился бить челом на обидчика.

Ответчики отрицали оба обвинения. Более того, Иван Подкорытов утверждал, что на попойке 25 декабря сам был бит Богданом Тюстиным. Истец «слался в повальный обыск» на соседних крестьян.

Ответчики также «слались» в повальный обыск, но тут же начали отводить свидетелей. В «послушестве» Иван Подкорытов обвинял непосредственных соседей Богдана, нескольких других жителей Кекурской деревни и собственного брата Семена. С каждым из них у Ивана Подкорытова были столкновения. «Малашко Тимофеев хотел у ево, Ивашова, жеребца голову отсеч, а Филка де Бурко с ним, Ивашком, о долгу в шуму, а Шаманай де в заемной рже с ним, Ивашком, в шуму ж, а Ивашко Езов ему хлебодец, а Огафонко де с ним о долгу в шуму ж, а Гаврилко де Иванов за должную оленину с ним в шуму ж, а Тихонко де Лиханов за же(ре)бца, что гоняетца за Тихоновыми кобылами в шуму. А Семейка де Поткорытов ево, Ивашка бил». Алексей Бортников «слался в послушество на Шаманая, потому что у него, Алешки, он, Шаманай, сек кобыл, да на Селиванка и на Ивашка Клюя слался в послушество, по(то)му что де они, Ивашко и Селиванко, заняли у него, Олешки, десят алтын денег и не платят. А Фетка де Бунко у него, Алешки из езу рыбу крадывал, а Ивашко де Езов приревновал к жене своей, хотел ево, Алешку, зарезат. А Устинко де племянник с ним с Олешкою о рыбе в шуму, а Тихонко де Лиханов ево, Олешку, бивал. А Семейка де Поткорытов ево, Олешку, бивал же, а Гаврилко де Иванов научил ево, Олешку, бит Бородина сына, а <слово неразборчиво> Ивашко с ним во бране за то, что де с ним дирался» (Судные дела 1642–1643 гг. Л. 6-7).

Картина мелких повседневных конфликтов, нарисованная ответчиками, крайне любопытна: здесь и довольно своеобразное желание отсечь голову жеребцу, и драки (в том числе между родственниками), и мелкое воровство, и споры о долгах, и ревность. Разумеется, Ивану Подкорытову с зятем важно было в первую очередь отвести свидетелей, чьи показания могли представлять для них опасность, независимо от того, приистекала ли она из высокой вероятности сговора или из того, что те действительно видели их неблагоприятные поступки. Однако повод для отвода вряд ли выдумывался: процесс велся публично в окружении хорошо знакомых людей, и явная ложь была бы слишком заметна. Скорее, ставка делалась на то, чтобы указать на любое мало-мальски значимое столкновение, хотя бы оно было даже давно неактуальным. Именно такое впечатление производит большинство причин, названных при «браковке» свидетелей. Во всяком случае, трудно понять, почему человек, кого-то избивший, должен против него ещё и лжесвидетельствовать; а задолженность сейчас скорее наоборот сочли бы основанием для пристрастности в пользу кредитора, а не его противника. Серьезным поводом для опасений выглядит разве что ревность Ивана Езова. Тем не менее, перед нами перечень, скорее всего, реально имевших место конфликтов, большая часть из которых вполне могла бы стать предметом самостоятельного судебного разбирательства. Но не стала.

Таким образом, процедура отвода свидетелей позволяет существенно продвинуться в решении вопроса о реальной картине конфликтности в обществе. Мы видим, что среди причин отвода свидетелей преобладает «брань», несколько реже – имущественные споры. Драки занимают сравнительно скромное место. Аналогичные данные дает нам анализ данных об отводе свидетелей и в нескольких других делах 40-х гг. (Судные дела 1641, 1642–1643, 1648 гг.). При этом можно утверждать, что «угол зрения» при отводе свидетелей близок к оптимальному, поскольку мы имеем дело не с суммарной сводкой всех преступлений на большой территории, а с девиантным поведением, с которым сталкивался в повседневной практике один конкретный человек. Поэтому, когда в руки исследователя попадает дело (а лучше несколько дел) с «повальным обыском», возникает возможность существенно продвинуться в вопросе о степени реальной распространенности тех или иных преступлений.

Материалы анализируемого дела позволяют увидеть и то, как из множества более или менее значимых повседневных конфликтов лишь один перерастает в судебную тяжбу. И происходит это, судя по всему, спонтанно, под влиянием накопившихся отрицательных эмоций. Правда, на всплеск раздражения можно списать только подачу устного челобитья. В дальнейшем Богдан Тюстин упорно и целенаправленно отстаивал свою честь в суде. Стремление выиграть процесс любой ценой было столь велико, что истец даже ссылаясь на попытку третьей стороны (брата ответчика) решить дело миром (Судные дела 1642–1643 гг. Л. 8), что, как и экспликация предшествующего конфликта, – явление для подобных тяжб достаточно необычное. Возникает ощущение, что при общей установке избегать официальных судебных разбирательств индивид шел подавать челобитную именно под воздействием чувства ущемленного *личного* достоинства в момент, когда чаша терпения переполнялась, что не отменяет важности во многих случаях защиты индивидом не только личных, но и групповых (клана, деревни, общины, «чина») интересов. Для Ирбитской слободы в XVII в. представляется оправданным замечание, сделанное О. Е. Кошелевой (2004, с. 405–408) в связи с исследованием Петербургского острова петровского времени: хотя в рамках существующего государственного строя и норм православной культуры честь существовала лишь как атрибут человека в связи с его принадлежностью к определенной социальной группе, на субъективном уровне чувство личного достоинства существовало, приспособляясь под существующие нормы коллективной чести.

Источники и литература

- 1) Судное дело 1641 г. – Архив Санкт-Петербургского института истории Ф. 28 (Верхотурская воеводская изба) Д. 295 (по картотеке) Л. 1 - 10
- 2) Судные дела, 1642 – 1643 гг. – Российский государственный архив древних актов Ф. 1111 (Верхотурская приказная изба). Оп. 2. Д. 736. Л. 1–27. 4 дела
- 3) Судные дела 1648 г. – РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 747. Л. 1 – 13. 2 дела
- 4) Глазьев, 2001 – Глазьев В. Н. Власть и общество на юге России в XVII. Воронеж, 2001. 430 с.
- 5) Каменский А. Б., 2006 – Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей: исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII в. М., 2006. 403 с.
- 6) Коллман, 2003 – Коллман Н. Ш. Соединенные честью. М., 2001. 461 с.
- 7) Кошелева, 2004 - Кошелева, О. Е. Люди Санкт-Петербургского острова петровского времени. М., 2004. 487 с.
- 8) Людке, 1999 - Людке А. «история повседневности» в Германии после 1989 года // Казус. 1999. М., 1999. С. 121–125
- 9) Репина, 1997 – Репина, Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998. 282 с.